

293-А

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ

А. СЕМЕНТОВСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Хана, Графскій переулокъ, д. № 5

1872

А

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Никогда этнографія, какъ наука, не обращала на себя столько вниманія ученыхъ и вообще образованныхъ людей, какъ во второй половинѣ текущаго вѣка, когда къ дѣламъ государственной политики примкнулъ многозначительный вопросъ о національности. Никогда и мы русскіе не обращали столько вниманія на изученіе населяющихъ наше полумировое отечество народностей, какъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Необходимость этнографическихъ изслѣдованій, въ особенности въ сѣверо-западныхъ нашихъ окраинахъ, созналась съ совершенной ясностью только послѣ польскаго возстанія 1863—64 годовъ.

Въ короткій періодъ времени появилось нѣсколько сочиненій, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ частности, или вообще, разрабатывающихъ этнографическій вопросъ сѣверозападныхъ окраинъ имперіи. Въ самый разгаръ польскаго мятежа появилась сперва за границей на французскомъ языкѣ (весной 1863 г.), а потомъ и у насъ на русскомъ языкѣ (въ 1864 году) сочиненіе г. Эркерта: „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи, съ принадлежащимъ къ нему атласомъ.“ Нельзя сказать, чтобы сочиненіе это отличалось глубокимъ и всестороннимъ разрѣшеніемъ разсматриваемаго имъ вопроса, или было бы плодомъ самостоятельныхъ личныхъ изслѣдованій автора, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свои достоинства и не можетъ быть пройдено молчаніемъ нами, какъ взявшими на себя трудъ составить этнографическую карту одной изъ западныхъ губерній Россіи—именно: Витебской; хотя мы далеко не согласны съ г. Эркертомъ въ выборѣ признаковъ національности, въ особенности при разграниченіи славянской народности. Г. Эркертъ говоритъ будто бы „ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей

русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Такимъ образомъ, въ западной Россіи, съ сравнительно не многими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны, по его мнѣнію, считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдаютъ католическую религію — поляками.“ Этотъ способъ воззрѣнія, продолжаетъ г. Эркертъ, „не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для Волынской, Подольской и Кіевской губерній онъ правильнѣе, нежели для Бѣлорусскихъ), но говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ“ ¹⁾.

Несостоятельность этого положенія до такой степени очевидна, что едва ли даже нужно дѣлать какія-либо серьезныя противу него возраженія; довольно сказать, что принявъ за этнографическіе признаки различія народностей, населяющихъ Витебскую губернію—одно только вѣроисповѣданіе 59,179 бѣлоруссовъ католиковъ, существованіе коихъ, вопреки дѣйствительности исторіи, закону и собственному сознанію народа, г. Эркертъ пытается отвергнуть 159,659 латышей и 1,067 эстовъ, а также и нѣкоторую часть нѣмцевъ, французовъ и другихъ народностей придется зачислить въ число поляковъ, вопреки ихъ желанію, симпатіямъ, преданіямъ, происхожденію, указаніямъ науки, исторіи и закона. Гораздо радикальнѣе было бы принять за этнографическій признакъ разграниченія народностей родной языкъ народа, т. е. тотъ, на которомъ онъ говоритъ съ дѣтства, который постоянно употребляется въ его семьѣ и достался ему, такъ сказать, по наслѣдству; конечно, какъ справедливо замѣтилъ одинъ писатель ²⁾, въ разборѣ вопроса о національности въ сопредѣльных Балтійскихъ губерніяхъ „языкъ есть только одинъ изъ элементовъ, составляющихъ національность, элементъ правда важный, но все же не всегда достаточный самъ по себѣ;“ но ужь во всякомъ случаѣ гораздо безошибочнѣе можно опредѣлить на-

¹⁾ Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи полковника Р. Ф. Эркерта. С. Петербургъ 1864 стр. 6.

²⁾ Заря, Журналъ 1871 г. ст. Англо-нѣмецкая книга о современной Россіи.

родность по родному языку, принимая въ соображеніе самоличное показаніе о себѣ народа, его прошлую историческую судьбу и настоящій образъ жизни, его симпатіи и политическія убѣжденія. Конечно мы, какъ завѣдывающіе дѣлами статистическаго комитета, при глубокомъ сочувствіи къ дѣлу всѣхъ предсѣдательствовавшихъ въ этомъ учрежденіи лицъ, имѣли полную возможность воспользоваться совокупностію всѣхъ этихъ признаковъ, такъ какъ брали этнографическія свѣдѣнія не изъ печатныхъ книгъ, не изъ чужихъ бѣглыхъ наблюденій, производившихся случайно, безъ критическаго взгляда на дѣло, а, такъ сказать, у самаго источника ихъ — отъ народа, собирая таковыя лично и, только при невозможности сего, чрезъ волостныя правленія съ участіемъ мировыхъ посредниковъ и притомъ по каждой населенной мѣстности, какъ бы она мала не была (большою частію менѣе 5 дворовъ)¹⁾; тѣмъ не менѣе мы допускаемъ извѣстную долю ошибокъ и при такомъ способѣ собиранія этнографическихъ свѣдѣній и составленія по нимъ карты народностей Витебской губерніи; хотя основой ея служила лучшая въ Россіи трехъ верстная карта Шуберта. Ошибки наши могли произойти частію по недосмотру лицъ, составлявшихъ на мѣстѣ этнографическіе списки, кои впрочемъ въ большей части случаевъ новѣрялись мировыми посредниками; частію потому, что на картѣ Шуберта нѣкоторыя населенныя мѣстности вовсе не нанесены, именно всѣ тѣ, кои образовались послѣ производства военно-топографической съемки; частію, наконецъ, вслѣдствіе несогласія номенклатуры населенныхъ мѣстностей, живущей въ средѣ народа, съ номенклатурой карты Шуберта; по недостатку эти при составленныхъ нами поименованныхъ списковъ мѣстностей, населенныхъ разными народностями, теряютъ большую долю своего значенія. Объяснивъ вкратцѣ основанія принятаго нами способа разграниченія народностей, населяющихъ Витебскую губернію, методъ собиранія свѣдѣній и порядокъ составленія предлагаемой вниманію публики этнографической карты, намъ слѣдовало бы сказать о согласіи или несогласіи ея съ существующими

¹⁾ Изъ 19,272 населенныхъ мѣстностей Витебской губерніи, имѣющихъ отъ 1 до 5 дворовъ 13,094.